

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-2-42-56
EDN: VPAIRJ

ТРАНСФОРМАЦИЯ СТРУКТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНЫХ РЕГИОНОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ: ФАКТОРЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Гончарова К. С.*, Шеломенцев А. Г.

Югорский государственный университет
(628012, Россия, Ханты-Мансийск, ул. Чехова, 16)

*E-mail: ksenia.gon4arowa@gmail.com

Финансирование:

Исследование выполнено за счёт гранта РФФИ № 25-28-00512. — URL: <https://rscf.ru/project/25-28-00512/>.

Для цитирования:

Гончарова К. С., Шеломенцев А. Г. Трансформация структуры населения северных регионов Западной Сибири: факторы и последствия // Народонаселение. — 2025. — Т. 28. — № 2. — С. 42-56.
DOI: 10.24412/1561-7785-2025-2-42-56; EDN: VPAIRJ

Аннотация. Традиционно основой развития северных территорий Западной Сибири являлась добыча нефти и газа, что обеспечивало рост населения и строительство инфраструктуры: начало освоения нефтегазовой промышленности в 1960-х гг. и её дальнейшее развитие привело к притоку трудовых ресурсов в автономные (до 1977 г. — национальные) округа Ханты-Мансийский — Югра (ХМАО) и Ямало-Ненецкий (ЯНАО). Привлекательность данных территорий для рабочей силы из других регионов обуславливалась высокой оплатой труда и предоставляемыми льготами. Однако, в условиях современного снижения объёмов добычи нефти, ключевыми задачами становится сохранение их демографической устойчивости и социального благополучия. Таким образом, целью исследования являлся оценка текущего состояния и перспектив социально-демографического развития муниципальных образований северных регионов Западной Сибири в условиях дальнейшего снижения объёмов добычи нефти и газа. Анализ основывался на данных переписей населения — конца 1980-х гг. (частично для сравнения были использованы данные более ранних Всесоюзных переписей 1959 г. и 1979 г.) — 2021 года. В результате были обоснованы основные этапы развития северных городов ХМАО и ЯНАО, проанализированы изменения в их социально-демографической структуре и миграционных процессах. Установлена преимущественно отрицательная динамика численности населения в рассматриваемых территориях, что приводит к изменению половозрастного состава, характеризующегося усиливающейся динамикой старения населения и ростом удельного веса женщин среди всего населения. Также наблюдается замещение русского населения другими национальными группами (преимущественно из стран Средней Азии). Сделан вывод, что необходима дальнейшая диверсификация экономики исследуемых территорий — создание новых видов экономической деятельности, что позволит сохранить рабочие места и предотвратить дальнейший отток населения. Важную роль в этом процессе играет реализуемая государственная политика, анализ и оценка которой является перспективным направлением дальнейших исследований.

Ключевые слова: социально-демографическая трансформация, вахтовый метод занятости, миграция, территории нового освоения, Западная Сибирь, старение населения.

Рынок труда и миграционная динамика в условиях трансформации экономики северных регионов Западной Сибири

Процесс освоения минерально-сырьевых ресурсов северных территорий Западной Сибири начался в 1960-е гг. и, как отмечает Г. Ю. Колева, к настоящему времени прошёл ряд этапов [1]. Первый этап (1964–1977 гг.) был связан с пробной преимущественно сезонной и фонтанной эксплуатацией нефтяных месторождений и началом промышленной добычи газа. Второй (1977–1989 гг.) характеризовался переходом на механизированную добычу и дальнейшим наращиванием её объёмов, а также созданием производственной базы, в том числе масштабном строительстве объектов инженерной, транспортной, энергетической инфраструктуры и объектов генерирующих мощностей жилищно-гражданского строительства, ориентированных на потребности развития нефтегазовой отрасли. Третий (1990–2000 гг.) сопровождался процессами структурной трансформации, приватизацией добывающих предприятий и стабилизацией добычи нефти и газа. Четвёртый этап (с начала 2000-х гг. по настоящее время) связан с устойчивым снижением объёмов добычи нефти при сохранении лидерства производства природного газа в России, развитии электроэнергетики. Таким образом, развитие нефтегазовой промышленности дало импульс строительству более 20 новых городов, что обеспечивало приток трудовых ресурсов как в сырьевой, так и другие сектора экономики и росту численности населения. Для мигрантов привлекательность северных территорий заключалась в высокой оплате труда и льготах.

Обозначенные этапы отражают процессы развития городов, а также строительство связанной с ними транспортной, энергетической и инженерной инфраструктуры, необходимой для освоения месторождений нефти и газа. В этом отношении ХМАО и ЯНАО можно было считать самыми динамично развивающимися регионами в СССР, а позже — и в России. В результате вопросы развития северных

городов постепенно сформировали относительно самостоятельную область исследований, в рамках которой они типологизировались по показателям их социально-экономического развития [2], анализировались вопросы самоуправления [3] и территориального управления [4], были установлены особенности формирования населения [5] и разработаны методические подходы к прогнозированию его численности с учётом динамики объёмов производства и этнического фактора [6]. Помимо этого, развитие городов с начала освоения месторождений нефти и газа непосредственно было связано с привлечением новой рабочей силы. При этом если до середины 1970-х гг. доминировал вахтовый метод, то после — подавляющая часть рабочей силы привлекалась уже на условиях постоянного места жительства.

Основные подходы к анализу миграционных процессов в северных регионах Западной Сибири, как правило, опираются на оценку их роли в социально-экономическом развитии ХМАО и ЯНАО¹. При этом можно выделить следующие направления исследований миграции населения. Так, вахтовый метод привлечения рабочей силы являлся основным с начала 1960-х гг., что обуславливалось высокими темпами освоения месторождений нефти и газа Западной Сибири. Здесь традиционно рассматривались проблемы: социальной и психологической адаптации работников, обусловленные удалённостью от семьи, условиями труда и суровым климатом [7; 8], влияния «вахтового образа жизни» на здоровье и качество жизни населения, занятого в межрегиональной и внутрирегиональной вахте в условиях Крайнего Севера [9; 10]. В ряде исследований анализировалась роль государства в освоении северных территорий, регулировании форм привлечения рабочей силы [11; 12], эффективности государственной социальной политики в отношении жителей северных территорий, работающих вахтовым методом [13].

¹ Мухамедова А. Ж. Роль миграции в демографическом развитии территории Ханты-Мансийского автономного округа — Югры // Актуальные исследования. — 2023. — № 47-1. — С. 69–72.

Самостоятельные направления исследований составляли вопросы организации труда [14; 15] и защиты прав работников [16], а также межкультурных коммуникации [17; 18] на нефтегазовых предприятиях.

Пик трудовой миграции на Север Западной Сибири как постоянное место жительства пришёлся на 1980-е гг., когда объёмы добычи нефти достигли максимальных объёмов. Однако, вахтовый метод также продолжал являться важным источником рабочей силы для освоения нефтегазовых ресурсов заполярных районов Арктики, что объяснялось отсутствием в районах освоения местных трудовых ресурсов с необходимым уровнем их квалификации [19]. При этом традиционно считается, что основной мотивацией мигрантов был поиск более высоких заработков на территориях нового освоения, которыми в тот период стали ХМАО и ЯНАО [20]. В результате север Западной Сибири стал местом притяжения мигрантов практически со всех регионов России и бывших советских республик [21; 22]. Целью настоящего исследования являлась оценка текущего состояния и перспектив социально-демографического развития северных регионов Западной Сибири в условиях снижения объёмов добычи нефти и газа. Анализ основывался на данных переписей населения — конца 1980-х гг. (частично для сравнения были использованы данные более ранних Всесоюзных переписей 1959 г. и 1979 г.) — 2021 года.

Результаты

Согласно данным статистики, за последние 20 лет (в 2022 г. к 2002 г.) численность населения в целом по субъектам Федерации — ХМАО и ЯНАО выросла на 20% и 1% соответственно². Однако, этот процесс характеризовался рядом особенностей (табл. 1). Во-первых, преимущественным ростом численности населения в крупных городах (в ос-

новном это города окружного значения), и сокращением в посёлках городского типа (пгт), численность населения в которых, зачастую, не превышает 10 тыс. человек.

Так, в городах ХМАО Сургуте, Нижневартовске, Нефтеюганске, Ханты-Мансийске, Когалыме, Нягани, Мегионе, Лангепасе, Урае и Югорске рост численности, в среднем, составил около 28%, а в городах ЯНАО — Салехарде, Новом Уренгое, Губкинском (пгт) и Тазовском (пгт) — более 37% (в среднем). В то же время, в ХМАО в городе Радужном, пгт Октябрьском, Новоаганске, Пыть-Ях и Покачи сокращение численности населения составило около 5%, а в городе Лянтор, пгт Агириш, Березово, Высокий, Зеленоборск, Игрим, Коммунистический, Кондинское, Куминский, Луговой, Малиновский, Мортка, Пионерский, Пойковский, Таёжный, Талинка — более 23%. В ЯНАО сокращение численности населения в пгт Уренгой и Харп составило, в среднем, более 34%, в городах Муравленко — 19%, Лабитнанги — 7%.

Таким образом, с одной стороны, наблюдается тенденция к агломерированию территории севера Западной Сибири, с другой — к постепенной поляризации уровня её заселённости и частичному обезлюживанию. При этом, если в ХМАО наблюдается положительная устойчивая связь между динамикой численности населения и главными в регионе отраслями экономики, то в ЯНАО такой взаимосвязи не прослеживается (рис. 1). Относительно полученных результатов для ЯНАО, можно предположить, учитывая низкую диверсифицированность его экономики³, влияние на них теневой заня-

² Среднегодовая численность населения. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2023: Стат. сб. / Росстат. — Москва, 2023. — 1126 с. — С. 46; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2010: Стат. сб. / Росстат. — Москва, 2010. — 996 с. — С. 57.

³ Доля добычи полезных ископаемых в отраслевой структуре валовой добавленной стоимости региона составляет более 70%, а официально зарегистрированная среднегодовая численность занятых в данном виде деятельности превышает 20%, постепенно увеличиваясь с 70,1 тыс. человек в 2004 г. до 97,4 тыс. человек в 2022 году. Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2023. Отраслевая структура валовой добавленной стоимости в 2021 году. — URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204>; Среднегодовая численность занятых по видам экономической деятельности. Труд и занятость в России. Приложение к сборнику (информация в разрезе субъектов Российской Федерации). — URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13210> (дата обращения: 30.06.2024).

Таблица 1

**Численность и половая структура населения городов
окружного значения ХМАО и ЯНАО, тыс. человек**

Table 1

The number and sex structure of the population of regional cities
in KhMAO and YaNAO, thousands of persons

Территория	1989			2002			2010			2020		
	Всего	Муж.	Жен.	Всего	Муж.	Жен.	Всего	Муж.	Жен.	Всего	Муж.	Жен.
ХМАО	1282,4	657,4	625,0	1432,8	712,6	720,2	1532,2	750,8	781,4	1711,5	825,6	885,9
Белоярский	20,5	10,3	10,2	18,7	9,5	9,2	20,3	10,3	10,0	20,0	9,6	10,4
Когалым	44,3	22,8	21,5	55,4	26,9	28,5	58,2	29,2	29,0	61,4	29,7	31,8
Лангепас	25,6	13,2	12,4	37,2	19,0	18,2	41,7	21,0	20,7	42,7	20,7	22,0
Мегион	39,8	20,0	19,8	46,6	22,7	23,8	49,4	24,0	25,5	59,4	28,7	30,8
Нефтеюганск	93,9	47,6	46,3	107,8	53,2	54,6	122,9	60,5	62,3	124,7	58,8	66,0
Нижневартовск	241,5	123,7	117,7	239,0	117,9	121,2	251,7	121,9	129,8	283,3	139,7	143,6
Нягань	54,1	28,8	25,2	52,6	26,0	26,7	54,9	26,7	28,2	63,0	29,9	33,1
Покачи	11,5	5,9	5,6	17,0	8,6	8,4	17,2	8,5	8,7	16,0	7,8	8,2
Пыть-Ях	17,1	8,8	8,3	41,8	20,9	20,9	41,5	20,7	20,8	40,2	19,6	20,5
Радужный	43,7	23,4	20,3	47,1	23,6	23,5	43,4	21,2	22,2	43,6	21,2	22,4
Сургут	247,8	124,4	123,5	285,0	140,0	145,1	306,7	147,4	159,2	396,4	187,6	208,8
Урай	37,2	18,5	18,7	38,9	18,7	20,2	39,5	18,8	20,6	41,3	19,4	21,9
Ханты-Мансийск	34,5	16,9	17,6	54,0	27,2	26,7	80,2	38,7	41,4	107,5	51,2	56,3
Югорск	-	-	-	30,3	14,5	15,8	34,1	16,4	17,7	38,2	17,8	20,5
ЯНАО	494,8	259,2	235,6	507,0	254,9	252,1	522,9	259,0	264,0	510,5	249,0	261,5
Губкинский	9,7	5,5	4,1	20,4	10,0	10,4	23,3	11,5	11,8	33,3	16,7	16,6
Лабытнанги	31,5	16,5	15,0	27,3	13,8	13,5	26,9	13,9	13,0	25,5	12,4	13,1
Муравленко	-	-	-	35,9	18,3	17,6	33,4	16,6	16,8	29,2	14,8	14,4
Надым	52,6	26,6	26,0	45,9	22,4	23,6	46,6	22,5	24,1	46,0	22,2	23,8
Новый Уренгой	93,2	48,7	44,5	94,5	47,4	47,1	104,1	51,3	52,8	107,3	52,5	54,8
Ноябрьск	85,9	44,3	41,5	96,4	47,6	48,8	110,6	54,5	56,1	100,2	47,8	52,4
Салехард	32,3	16,0	16,3	36,8	17,6	19,2	42,5	20,0	22,6	48,0	22,5	25,5

Источник: составлено авторами по данным Всесоюзных и Всероссийских переписей населения: Всесоюзная перепись населения 1989 года. Т. 1. Ч. 1. Табл. 3. Численность наличного населения союзных и автономных республик, автономных областей и округов, краёв, областей, районов, городских поселений и сел-райцентров // Демоскоп Weekly. — URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus89_reg2.php; Всероссийская перепись населения 2002 года. Т. 1; Численность населения России, субъектов РФ в составе федеральных округов, районов, городских поселений, сельских населённых пунктов — районных центров и сельских населённых пунктов с населением 3 тыс. и более человек // Демоскоп Weekly. — URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus02_reg2.php; Всероссийская перепись населения 2010 года. Т. 1. Численность и размещение населения. — URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm; Всероссийская перепись населения 2020 года. — URL: https://72.rosstat.gov.ru/perepis_nas2020 (дата обращения: 09.04.2025).

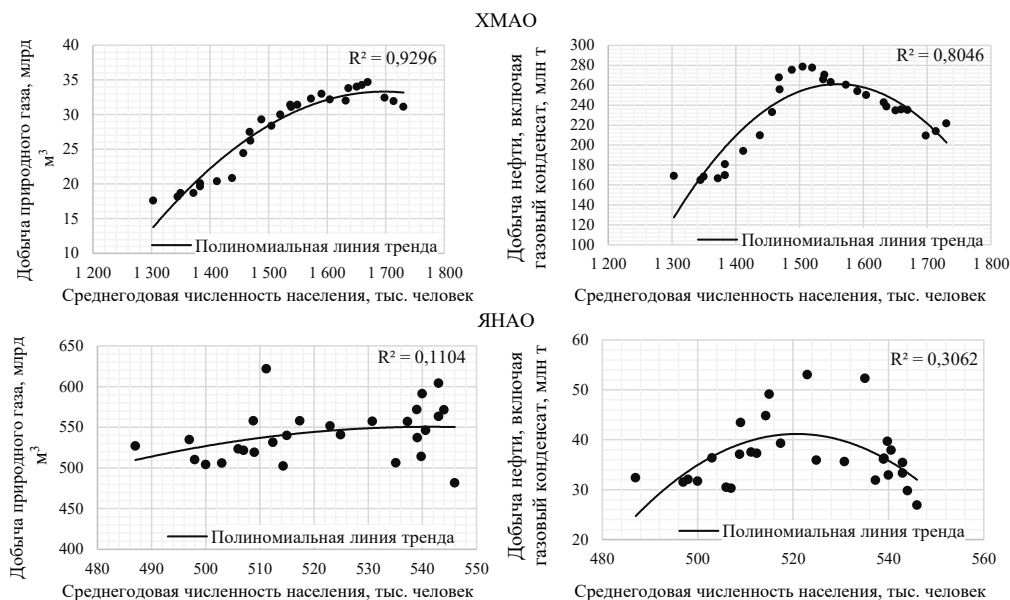

Рис. 1. Сопоставление динамики численности населения ХМАО и ЯНАО с динамикой развития основных видов деятельности их экономической специализации

Fig. 1. Comparison of the population dynamics in KhMAO and YaNAO with the dynamics of the development of the main types of activities in their economic specialization.

Источник. Составлено авторами по: Среднегодовая численность населения. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2023: Р32 Стат. сб. / Росстат. — Москва, 2023. — 1126 с. — С. 46; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2010: Р32 Стат. сб. / Росстат. — Москва, 2010. — 996 с. — С. 57.

тости (на это также указывают и некоторые исследования⁴).

Второй характерной особенностью динамики численности населения территорий севера Западной Сибири является её гендерное смещение — от регионов с преобладающим населением мужского пола, что было связано с характером работы, в том числе тяжелыми условиями труда, к регионам с преобладающим населением женского пола (рис. 2). Так, если по данным переписи 1989 г. на 1 тыс. мужчин в ХМАО приходилась 951 женщина, а в ЯНАО — 909⁵,

то в 2020 г. — на 1 тыс. мужчин в ХМАО приходилась 1073 женщины, в ЯНАО — 1050⁶.

При этом, общее сокращение численности населения, обусловленное сокращением численности мужчин наблюдалось (табл. 1): в ХМАО: в 2002 г. (к 1989 г.) — в городах Нижневартовске (сокращение численности на 1%, мужчин — на 5%) и Нягани (на 3%, мужчин — на 10%); в 2020 г. (к 2010 г.) — в Белоярском (сокращение численности на 2%, мужчин — на 6%); в ЯНАО: в 2020 г. (к 2010 г.) — в Лабитнанги (сокращение численности на 5%, мужчин — на 11%)⁷. Сокра-

⁴ Руденко Е. Число неформально занятых жителей ЯНАО выросло на 10%. «Теневые» работники очень рискуют, уверены экономисты // «МК Ямал», 12.02.2020. — URL: <https://www.mk-yamal.ru/economics/2020/02/12/chislo-neformalno-zanyatykh-zhiteley-yanao-vyroslo-na-10.html?ysclid=ly1dn5o0k0959680029> (дата обращения: 30.06.2024).

⁵ Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года. Т. 2. Табл. 2 — Распределение населения союзных и автономных республик, автономных областей и округов, краев

и областей по населению по полу и возрасту // Демоскоп Weekly. — URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_age_89.php?reg=68 (дата обращения: 01.07.2024).

⁶ Итоги ВПН-2020. Т. 2 Возрастно-половой состав и состояние в браке. Табл. 2. Население по возрастным группам и полу по субъектам РФ / Росстат. — URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom2_Vozrastno-polovoj_sostav_i_sostoyanie_v_brake (дата обращения: 01.07.2024).

⁷ Следует отметить, что до этого, в 2010 г. (к 2002 г.) сокращение численности населения в городе Лабитнанги было

шение численности мужчин при общем росте численности населения было зафиксировано: в ХМАО: в 2010 г. (к 2002 г.) — в Покахи (рост численности на 1%, сокращение числа мужчин — на 2%); в 2020 г. (к 2010 г.) — в Лангепасе (рост численности на 3%, сокращение числа мужчин — на 2%), Нефтеюганске (рост численности на 2%, сокращение числа мужчин — на 3%), Радужном (рост численности на 0,5%, сокращение числа мужчин — на 0,2%); в ЯНАО: в 2002 (к 1989 г.) — в Новом Уренгое (рост численности на 1,3%, сокращение числа мужчин — на 3%).

Рассматриваемая тенденция (гендерное смещение) может обуславливаться большей продолжительностью жизни женщин и, возможно, спецификой их миграционной активности. О последнем косвенно может свидетельствовать возрастная динамика прироста численности населения: число мужчин, родившихся в ХМАО (возраст 0–4 на рис. 2) через 30 лет сократилось на 4% (возраст 30–34 на рис. 2), а число женщин, хоть и не значительно, но возросло — на 0,2%. Также для молодежи 20–24 лет, по прошествии 30 лет число мужчин

выросло на 4%, а женщин — на 22%. Схожая ситуация и в ЯНАО, за исключением того, что в этом автономном округе численность населения по возрастам сокращается сильнее (чем в ХМАО), но процент сокращения численности женщин ниже, чем процент сокращения мужчин.

Третьей особенностью населения ХМАО и ЯНАО является постепенное изменение национального состава населения (табл. 2 и 3).

Так, в ХМАО представляет интерес динамика постепенного замещения русского населения народами Средней Азии, преимущественно таджиками — положительная динамика данной национальной группы наблюдается с начала 1990-х гг., как в абсолютном (численность), так и в относительном (удельный вес) значении. Помимо этого, с 2002 г. наблюдается устойчивая тенденция сокращения численности населения и удельного веса национальных групп белорусов, коми, немцев, украинцев, а с 2010 г. — башкир. Схожая ситуация наблюдается и в ЯНАО.

Кроме того, на территориях обоих регионов отмечается рост численности коренных малочисленных народов Севера (КМНС). Так, в ХМАО за последние 30 лет национальная группа ханты выросла на 65%, ман-

обусловлено сокращением числа женщин (сокращение численности населения — на 1,4%, женщин — на 4%).

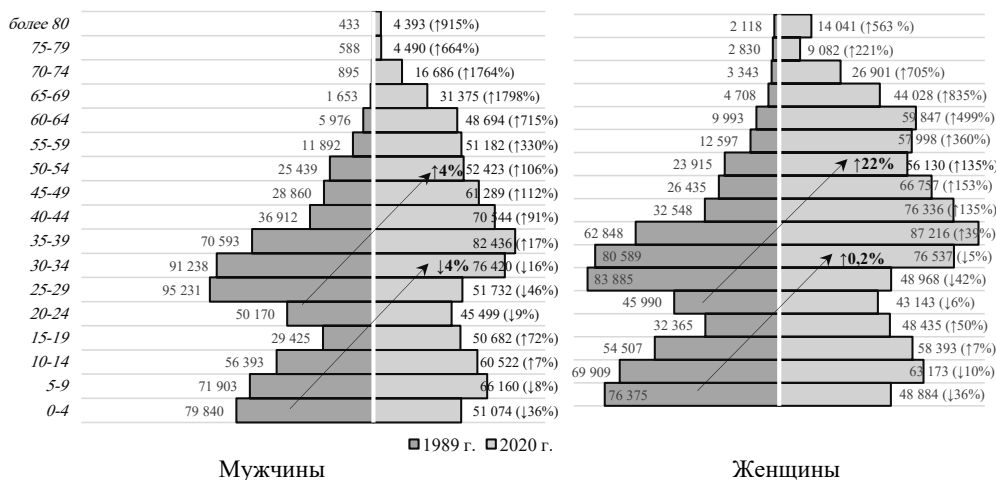

Рис. 2. Половозрастная структура населения ХМАО

Fig. 2. Sex and age structure of the population in KhMAO

Источник: составлено авторами по данным Росстата.

Таблица 2

Изменение национального состава населения ХМАО

Table 2

Changes in the national composition of Khanty-Mansi Autonomous Okrug — Yugra

Национальная группа	Численность населения, тыс. человек						Удельный вес от общей численности, %					
	1959	1979	1989	2002	2010	2020	1959	1979	1989	2002	2010	2020
Русские	89,8	423,0(↑)	850,0(↑)	946,0(↑)	974,0(↑)	888,0(↓)	72,5	74,3(↑)	66,3(↓)	66,1(↓)	63,6(↓)	51,9(↓)
Ханты*	11,4	11,2(↓)	11,9(↑)	17,1(↑)	19,1(↑)	19,6(↑)	9,2	2,0(↓)	0,9(↓)	1,2(↑)	1,2(→)	1,1(↓)
Татары	2,9	36,9(↑)	97,7(↑)	107,0(↑)	108,0(↑)	79,0(↓)	2,4	6,5(↑)	7,6(↑)	7,5(↓)	7,1(↓)	4,7(↓)
Манси*	5,6	6,2(↑)	6,6(↑)	9,9(↑)	11,0(↑)	11,1(↑)	4,6	1,1(↓)	0,5(↓)	0,7(↑)	0,7(→)	0,6(↓)
Украинцы	4,4	45,5(↑)	148,0(↑)	123,0(↓)	91,0(↓)	41,6(↓)	3,5	8,0(↑)	11,6(↑)	8,6(↓)	6,0(↓)	2,4(↓)
Коми	2,8	3,1(↑)	3,4(↑)	3,1(↓)	2,4(↓)	1,6(↓)	2,3	0,5(↓)	0,3(↓)	0,2(↓)	0,2(→)	0,1(↓)
Немцы	2,1	3,5(↑)	8,9(↑)	8,3(↓)	6,8(↓)	3,6(↓)	1,7	0,6(↓)	0,7(↑)	0,6(↓)	0,4(↓)	0,2(↓)
Белорусы	1,3	7,6(↑)	27,8(↑)	20,5(↓)	14,7(↓)	6,2(↓)	1,0	1,3(↑)	2,2(↑)	1,4(↓)	1,0(↓)	0,4(↓)
Ненцы*	0,8	1,0(↑)	1,1(↑)	1,3(↑)	1,4(↑)	1,4(↑)	0,7	0,2(↓)	0,1(↓)	0,1(→)	0,1(→)	0,1(→)
Башкиры	0,1	7,5(↑)	31,2(↑)	35,8(↑)	35,4(↓)	29,7(↓)	0,1	1,3(↑)	2,4(↑)	2,5(↑)	2,3(↓)	1,7(↓)
Таджики	...	0,1	0,6(↑)	5,7(↑)	9,8(↑)	21,8(↑)	...	0,02	0,05(↑)	0,4(↑)	0,6(↑)	1,3(↑)
Азербайджанцы	...	1,3	12,8(↑)	25,1(↑)	26,0(↑)	21,3(↓)	...	0,2	1,0(↑)	1,8(↑)	1,7(↓)	1,2(↓)
Эвенки*	0,00	0,01(↑)	0,03(↑)	0,02(↓)	0,03(↑)	0,02(↓)	0,02	0,01	0,0	0,0	0,0	0,0
Другие	2,7	23,1(↑)	81,5(↑)	115,3(↑)	129,0(↑)	137,0(↑)	2,2	4,1(↑)	6,4(↑)	8,1(↑)	8,4(↑)	8,1(↓)
Не указано	0,00	0,00	0,10(↑)	13,2(↑)	102,0(↑)	447,0(↑)	0,0	0,0	0,0	0,9(↑)	6,7(↑)	26,1(↑)

Примечания: *коренные малые народы Севера; (↑) — прирост численности населения национальной группы; (↓) — сокращение численности населения национальной группы; (→) — отсутствие динамики. Отметим, что ряд исследователей (например**) указывает на спорные результаты ВПН-2020, касающихся национального состава населения субъектов РФ. Однако этот вопрос требует отдельного анализа, в рамках настоящего исследования были использованы данные Росстата (Итоги ВПН-2020. Т. 5.).

Источники: составлено авторами по данным Всесоюзных и Всероссийских переписей населения: Всесоюзная перепись населения 1959 года. Национальный состав населения по регионам России — URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_59.php?reg=69; Всесоюзная перепись населения 1979 года. Национальный состав населения по регионам России — URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_79.php?reg=67; Всесоюзная перепись населения 1989 года. Распределение городского и сельского населения областей и краев РСФСР по полу и национальности — URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89_gs.php?reg=65; Итоги ВПН-2020. Т. 5 Национальный состав и владение языками. — URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Natsionalnyj_sostav_i_vladienie_yazykami (дата обращения: 09.04.2025).

** Игнатова О. В России оказалось более 11 процентов граждан «без национальности» // Российская Газета. 2023. — URL: https://rg.ru/2023/02/26/v-rossii-okazalos-bolee-11-procentov-grazhdan-bez-natsionalnosti.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 09.04.2025).

Таблица 3

Изменение национального состава населения ЯНАО

Table 3

Changes in the national composition of Yamalo-Nenets Autonomous Okrug

Национальная группа	Численность населения, тыс. человек						Удельный вес от общей численности, %					
	1959	1979	1989	2002	2010	2020	1959	1979	1989	2002	2010	2020
Русские	27,8	93,8(†)	292,0(†)	298,0(†)	312,0(†)	253,0(↓)	44,6	59,0(†)	59,2(†)	58,9(↓)	59,7(†)	49,6(↓)
Ханты*	5,5	6,5(†)	7,2(†)	8,8(†)	9,5(†)	10,0(†)	8,9	4,07(↓)	1,46(↓)	1,73(†)	1,81(†)	1,96(†)
Татары	4,0	8,6(†)	26,4(†)	27,7(†)	28,5(†)	18,9(↓)	6,3	5,39(↓)	5,34(↓)	5,47(†)	5,45(↓)	3,70(↓)
Манси*	0,1	0,1(→)	0,2(†)	0,2(→)	0,2(→)	0,1(↓)	0,2	0,07(↓)	0,04(↓)	0,03(↓)	0,03(→)	0,02(↓)
Украинцы	1,9	15,7(†)	85,0(†)	66,1(↓)	49,0(↓)	18,2(↓)	3,1	9,90(†)	17,18(†)	13,03(↓)	9,37(↓)	3,57(↓)
Коми	4,9	5,6(†)	5,7(†)	6,2(↓)	5,1(↓)	3,5(↓)	7,8	3,55(↓)	1,16(↓)	1,22(†)	0,98(↓)	0,68(↓)
Немцы	1,0	1,0(→)	3,2(†)	2,6(↓)	1,8(↓)	1,0(↓)	1,5	0,65(↓)	0,64(↓)	0,51(↓)	0,35(↓)	0,19(↓)
Белорусы	0,4	2,1(†)	12,6(†)	9,0(↓)	6,5(↓)	2,3(↓)	0,6	1,34(†)	2,55(†)	1,77(↓)	1,24(↓)	0,46(↓)
Ненцы*	14,0	17,4(†)	20,9(†)	26,4(†)	29,8(†)	35,9(†)	22,4	10,96(↓)	4,23(↓)	5,21(†)	5,69(†)	7,04(†)
Башкиры	0,0	0,9(†)	6,8(↓)	7,9(†)	8,3(†)	6,1(↓)	0,0	0,55(†)	1,38(†)	1,56(†)	1,59(†)	1,20(↓)
Азербайджанцы	...	0,3	3,4(†)	8,4(†)	9,3(†)	6,7(↓)	...	0,19(†)	0,69(†)	1,65(†)	1,78(†)	1,31(↓)
Селькупы*	1,25	1,61(†)	1,53(↓)	1,80(†)	1,99(†)	2,0(†)	1,01(↓)	0,31(↓)	0,35(†)	0,38(†)	0,39(†)	2,0(↓)
Эвенки*	0,11	0,01(↓)	0,08(†)	0,06(↓)	0,04(↓)	0,03(↓)	0,2	0,01(↓)	0,02(†)	0,01(↓)	0,01(→)	0,01(→)
Другие	1,5	5,2(†)	28,6(†)	37,4(†)	43,6(†)	152,0(†)	2,55	3,37(†)	5,86(†)	8,63(†)	11,67(†)	22,34(†)
Не указано	0,0	0,004(†)	0,041(†)	7,3(†)	17,5(†)	38,5(†)	0,0	0,00(→)	0,00(→)	0,01(†)	0,03(†)	7,53(†)

Примечания: *коренные малые народы Севера; (†) — прирост численности населения национальной группы; (↓) — сокращение численности населения национальной группы; (→) — отсутствие динамики.

Источники: составлено авторами по данным Всесоюзных и Всероссийских переписей населения: Всесоюзная перепись населения 1959 года. Национальный состав населения по регионам России. // Демоскоп Weekly. — URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_59.php?reg=69; Всесоюзная перепись населения 1979 года. Национальный состав населения по регионам России. // Демоскоп Weekly. — URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_79.php?reg=67; Всесоюзная перепись населения 1989 года. Распределение городского и сельского населения областей и краев РСФСР по полу и национальности. // Демоскоп Weekly. — URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89_gs.php?reg=65; Итоги ВПН-2020. Том 5 Национальный состав и владение языками. Росстат. — URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladienie_yazykami (дата обращения: 09.04.2025).

си — на 68%, ненцев — на 27%; в ЯНАО: ханты — на 39%, ненцев — на 72%, селькупов — на 31%. Можно предположить, что большое значение здесь сыграл принятый в 1999 г. закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации», так как уже в 2002 г., по сравнению с 1989 г., прирост национальных групп составил в ХМАО: ханты — 44%, манси — 50%, ненцы — 18%; в ЯНАО: ханты — 22%, нен-

цы — 26%, селькупы — 18%. Согласно указанному закону, коренные малочисленные народы, помимо прочих прав, могут претендовать на получение целевой поддержки (в виде материальных и финансовых средств), направленной на их (КМНС) социально-экономическое развитие. Так, Е.Козичев отмечает: «в 2011 г. «Газпром» направил на компенсационные выплаты коренным народам Ямала 765 млн рублей (годом

ранее — 197 млн рублей). <...>. «Варьеган-нефть» в том же году потратила на выплаты народам Севера 6 млн рублей. Эти средства пошли на приобретение снегоходов, лодочных моторов и топлива для местного населения. «Аганнефтегазгеология», ведущая в ХМАО добычу на территориях, которые относятся к родовым угодьям 26 семей, планирует потратить на аналогичные компенсации в 2012 г. 7,5 млн рублей»⁸. Сегодня в ХМАО и ЯНАО функционирует многосторонняя комплексная система поддержки КМНС. Она включает широкий перечень мер, направленных как на социально-демографические (например, единовременные выплаты при рождении ребёнка, помощь многодетным семьям, обеспечение коренного населения лекарственными средствами и другое), так и на экономические (в том числе предоставление материально-технических ресурсов за счёт средств субъекта Федерации для развития традиционных форм хозяйствования и промыслов КМНС) аспекты уровня жизни⁹.

Четвертая особенность роста численности населения ХМАО и ЯНАО — с одной стороны, сохранявшийся до 2013–2014 гг. потенциал естественного прироста населения, с другой — преимущественно положительная динамика миграционного прироста — в ХМАО, в отдельные годы — и в ЯНАО (рис. 3). Отметим, что динамика естественного прироста на территории севера Западной Сибири всегда имела положительные значения, в то время как миграционное сальдо находилось в постоянных

колебаниях в области как положительных, так и отрицательных значений. Так, в период интенсивного освоения региона ключевую роль играла миграция, а в последующий период стабилизации происходит возрастание роли естественного прироста населения, значения которого устойчиво превышают значения миграционного прироста и компенсировали отток населения до настоящего времени. При этом миграционные процессы практически синхронизированы, что указывает на общие причины их динамики. По нашему мнению, основными факторами оттока населения являются: образовательная миграция, поиск работы в регионах с более благоприятными климатическими условиями, выезд за пределы региона после завершения трудовой деятельности.

Выводы

На протяжении более 50 лет демографическое развитие северных территорий Западной Сибири в значительной мере определялось динамикой добычи минерально-сырьевых ресурсов. Так, вахтовый метод был основным способом привлечения рабочей силы в рассматриваемых регионах с начала 1960-х гг., а на 1980-е гг. пришёл пик миграции населения на постоянное место жительства. Однако, после 1990-х годов динамика численности населения стала в меньшей степени зависеть от ведущей для ХМАО и ЯНАО отрасли экономики. Так, если в ХМАО до настоящего времени сохраняется динамика постепенного положительного роста численности населения благодаря миграционному и естественному приросту, то в ЯНАО наблюдается устойчивая тенденция оттока населения, связанная с его низким естественным и миграционным приростом — регион уже не является таким привлекательным для постоянного проживания.

Помимо этого, слабая и отрицательная динамика прироста численности сказывается и на изменении половозрастного состава — в обоих субъектах РФ он смещается в сторону старения населения и с пре-

⁸ Козичев Е. Льготы для коренных малочисленных народов в России // Коммерсантъ Власть, 11.06.2012. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1954808> (дата обращения: 18.07.2024).

⁹ Коренные малочисленные народы. Государственная поддержка: Коренные малочисленные народы Севера Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. — URL: <https://kmns.admhmao.ru/gosudarstvennaya-podderzhka/> (; Для представителей коренных малочисленных народов Севера введут новые меры поддержки. Официальный сайт Правительства Ямало-Ненецкого автономного округа. — URL: <https://yanao.ru/press-tsentr/novosti/dlya-predstaviteley-korennykh-malochislennykh-narodov-severa-vvedut-novye-mery-podderzhki-/>; Тихонова Н. Ямал и Югра расширили меры поддержки тундровиков // Российская газета — экономика УрФО. 2024. № 9465. — URL: https://rg.ru/2024/10/03/reg-urfo/olenevody-poprosili-podniat-ceny.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 08.04.2025).

Рис. 3. Естественный и миграционный прирост населения

Fig. 3. Natural and migration population growth

Источник: составлено авторами по данным Росстата.

обладанием женщин. Также наблюдается постепенное замещение русского населения народами Средней Азии. Исследование показало, что для обеспечения дальнейшего роста и сохранения устойчивости развития северных регионов Западной Сибири необходима дальнейшая диверсификация их экономики, создание новых для территорий видов экономической деятельности, которые позволяют сохранить рабочие места

и предотвратить дальнейший отток населения. Важную роль в этом процессе играет реализуемая государственная политика, анализ которой является перспективным направлением дальнейших исследований.

Литература и Интернет-источники

1. **Колева, Г. Ю.** Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс: история становления: Монография. Часть 2 / Г. Ю. Колева. — Тюмень : Тюменский государственный нефтегазовый университет, 2005. — 160 с. EDN: TSBLOB
2. **Пилясов, А. Н.** Города российской Арктики: сравнение по экономическим индикаторам / А. Н. Пилясов // Вестник Московского университета. Серия 5: География. — 2011. — № 4. — С. 64–69. EDN: OKBUGD
3. **Лизунова, Л. В.** Тенденции и перспективы социально-экономического развития муниципальных образований ЯНАО / Л. В. Лизунова // ЭГО: Экономика. Государство. Общество. — 2012. — № 4(11). — Статья № 13. EDN: WKIUUVU
4. **Кузьмин, А. И.** Методологические и практические аспекты формирования параметров для прогнозирования динамики населения северных территорий Свердловской области / А. И. Кузьмин, В. А. Лопатова // Экономика региона. — 2008. — № 2(14). — С. 199–203. EDN: JWVUTN

5. **Оруджиева, А. Г.** Особенности демографического развития городов Ямало-Ненецкого автономного округа в 90-е годы XX — начале XXI вв. / А. Г. Оруджиева // Вопросы управления. — 2013. — № 4(25). — С. 156–168. EDN: RZCVYF
6. **Кузьмин, А. И.** Опыт социального прогнозирования крупного северного города / А. И. Кузьмин, А. А. Бадина. — Екатеринбург: Библиотечка журнала «ЧиновникЪ», 2006. — 183 с. EDN: QOGQKH
7. **Корнеева, Я. А.** Адаптационные стратегии работников вахтовой организации труда при различной специфике производства в условиях Севера / Я. А. Корнеева, Н. Н. Симонова // Общественные науки. — 2011. — № 4. — С. 434–441. EDN: RTMVFF
8. **Лобова, В. А.** Психологическая адаптация рабочих межрегиональной вахты в контексте сохранения здоровья / В. А. Лобова // Вестник угроведения. — 2011. — № 1(4). — С. 81–89. EDN: PAQRQF
9. **Холодилова, К. А.** Качество жизни населения в условиях вахтового труда на Крайнем Севере (на примере Ямало-Ненецкого автономного округа) / К. А. Холодилова // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. — 2008. — № 5. — С. 96–102. EDN: JXKSCR
10. **Ершов, Е. В.** Система мониторинга состояния здоровья работников газодобывающего предприятия на Крайнем Севере / Е. В. Ершов, А. И. Бабенко, Е. С. Понич, В. И. Хаснулин // Бюллетень Сибирского отделения Российской академии медицинских наук. — 2008. — Т. 28. — № 2. — С. 57–62. EDN: IUIMVP
11. **Лузина, Т. В.** Вахтовый метод как особая форма организации труда в рамках миграционной политики РФ / Т. В. Лузина, О. А. Малашкевич // Правовые средства стимулирования активной занятости и повышения конкурентоспособности на рынке труда. — Тюмень, 2019. — С. 30–42. EDN: YZHLJK
12. **Фаузер, В. В.** Российский Север: проблемы работающих вахтовым методом и государственная политика переселений / В. В. Фаузер, И. Г. Назарова // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера. — 2011. — № 2. — С. 14. EDN: PFRTUN
13. **Крамар, В. С.** Вопросы эффективности государственной социальной политики в отношении жителей северных территорий, работающих вахтовым методом / В. С. Крамар, О. П. Андреев // Российский Север: траектория и перспективы социального развития / под общей ред. Н. А. Волгина, В. Н. Пивненко. — Москва : Русайнс, 2006. — С. 295–301. EDN: WXVVQB
14. **Ермаков, С. А.** Вопросы организации труда при применении вахтового метода на предприятиях / С. А. Ермаков // Современные тенденции в экономике и управлении: новый взгляд. — 2010. — № 3–1. — С. 190–193. EDN: RSPXAL
15. **Борисов, Д. В.** Вахтовый метод как особая форма организации трудового процесса: на примере предприятий нефтегазовой промышленности: диссертация ... кандидата экономических наук по специальности 08.00.05 / Денис Валерьевич Борисов. — Москва, 2004. — 143 с.
16. **Андреев, О. П.** Система менеджмента вахтового метода работы предприятия в условиях Крайнего Севера / О. П. Андреев, А. К. Арабский, В. А. Боровиков, В. С. Крамар // Газовая промышленность. — 2007. — № 9. — С. 28–31. EDN: IBCJWR
17. **Чупашева, Е. В.** Роль межкультурных компетенций в управлении персоналом предприятий северных регионов России / Е. В. Чупашева // Казанская наука. — 2014. — № 11. — С. 275–277. EDN: TELPMD
18. **Керимов, К. С.** Конфликтотенные факторы межэтнических взаимодействий в Северном регионе: результаты социологических исследований / К. С. Керимов // Вестник Чувашского университета. — 2006. — № 7. — С. 191–196. EDN: KBEEBJ
19. **Логинов, В. Г.** Вахтовый метод как основной источник рабочей силы для освоения нефтегазовых ресурсов заполярных районов Арктики / В. Г. Логинов // Известия Уральского государственного горного университета. — 2021. — № 2(62). — С. 191–201. DOI: 10.21440 / 2307-2091-2021-2-191-201; EDN: LOOYOD
20. **Хайдукова, Е. С.** Современные миграционные процессы ХМАО — Югры / Е. С. Хайдукова // Экономические и социальные факторы развития народного хозяйства: сборник мате-

риалов II Всероссийской научно-практической конференции аспирантов и магистрантов (Ханты-Мансийск, 31 января 2017 г.). — Ханты-Мансийск : Югорский государственный университет, 2017. — С. 99–106. EDN: ZWVLTV

21. **Oparin, D. A.** Locals and immigrants on the Yamal Peninsula. Social boundaries and variations in migratory experience / D. A. Oparin // *Asian Ethnicity*. — 2017. — Vol. 19 — Iss. 2. — P. 251–269. DOI: 10.1080 / 14631369.2017.1386543
22. **Успенская, Т. Н.** Базовые детерминанты миграционного поведения населения ХМАО / Т. Н. Успенская // *Народонаселение*. — 2005. — № 4(30). — С. 112–121. EDN: PUTAEL

Сведения об авторах:

Гончарова Ксения Сергеевна, к.э.н., научный сотрудник Югорского государственного университета, Ханты-Мансийск, Россия.

Контактная информация: e-mail: ksenia.gon4arowa@gmail.com; ORCID: 0000-0003-2381-3322; РИНЦ SPIN-код: 6154–9862.

Шеломенцев Андрей Геннадьевич, д.э.н., проф. Югорского государственного университета, Ханты-Мансийск, Россия.

Контактная информация: e-mail: a.shelom@gmail.com; ORCID: 0000-0003-1904-9587; РИНЦ SPIN-код: 9931–5778.

DOI: 10.24412/1561-7785-2025-2-42-56

TRANSFORMATION OF THE POPULATION STRUCTURE IN THE NORTHERN REGIONS OF WESTERN SIBERIA: FACTORS AND CONSEQUENCES

Kseniya S. Goncharova*, Andrei G. Shelomentsev

Yugra State University

(16 Chekhova str., Khanty-Mansiysk, Russia, 628012)

**E-mail: ksenia.gon4arowa@gmail.com*

Funding:

The study was supported by the Russian Science Foundation through grant No. 25–28–00512. URL: <https://rscf.ru/project/25-28-00512/>.

For citation:

Goncharova K. S., Shelomentsev A. G. Transformation of the population structure in the northern regions of Western Siberia: factors and consequences. *Narodonaselenie [Population]*. 2025. Vol. 28. No. 2. P. 42–56. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-2-42-56 (in Russ.)

Abstract. *The relevance of the study lies in the gradual change of the socio-economic conditions for further development of the northern territories of Western Siberia. Traditionally, the basis of their development was oil and gas production, which ensured population growth and infrastructure construction: beginning of development of the oil and gas industry in the 1960s and its further development led to an influx of labor resources to Khanty-Mansi and Yamalo-Nenets Autonomous Okrugs. Attractiveness of these territories for the workforce from other regions was due to high wages and benefits provided there. However, in the context of the current decline in oil production, the key tasks are to preserve the demographic stability and social well-being of northern cities. Thus, the purpose of the study was to analyze the current state and prospects for socio-demographic development of the northern regions of Western Siberia under the conditions of further decrease in oil and gas production.*

The analysis was based on data from the population censuses of the late 1980s (data from earlier All–Union censuses of 1959 and 1979 were partially used for comparison) — 2021. As a result, the main stages of development of the northern cities of Western Siberia were considered, changes in their socio-demographic structure and migration processes were analyzed. There has been revealed predominantly negative dynamics of the population in the territories under consideration, that leads to a change in the sex and age composition of these territories, characterized by increasing dynamics in population aging and growing proportion of women among the entire population. There is also a gradual replacement of the Russian population by other national groups (mainly from Central Asia). It is concluded that further diversification of the economy of these territories is necessary — creation of new types of economic activity that will save jobs and prevent further outflow of people. An important role in this process is played by the state policy, the analysis and assessment of which is a promising direction for further research.

Keywords: socio-demographic transformation, shift method, migration, territories of new development, Western Siberia, population aging.

References and Internet sources

1. Koleva G. Yu. Zapadno-Sibirskiy neftegazovyy kompleks: istoriya stanovleniya [The West Siberian Oil and Gas Complex: The History of Its Formation]. Part 2. Tyumen. Tyumenskiy gosudarstvennyy neftegazovyy universitet [Tyumen State Oil and Gas University]. 2005. 160 p. (in Russ.)
2. Pilyasov A. N. Goroda rossijskoj Arktiki: sravnenije po ekonomicheskim indikatoram [Towns of the Russian Arctic: comparison of the economic indicators]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5: Geografiya [Moscow University Bulletin. Series 5: Geography]. 2011. No. 4. P. 64–69. (in Russ.)
3. Lizunova L. V. Tendentsii i perspektivy sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya munitsipalnykh obrazovaniy YaNAO [Trends and prospects for socio-economic development of the municipalities of Yamalo-Nenets Autonomous Okrug]. EGO: Ekonomika. Gosudarstvo. Obshchestvo. [EGO: Economics. State. Society]. 2012. No. 4(11). Article No. 13. (in Russ.)
4. Kuzmin A. I., Lopaeva V. A. Metodologicheskiye i prakticheskiye aspekty formirovaniya parametrov dlya prognozirovaniya dinamiki naseleniya severnykh territorij Sverdlovskoj oblasti [Methodological and practical aspects of the shaping parameter for forecasting population dynamics in north territories of Sverdlovsk area]. Ekonomika regiona [Economy of Regions]. 2008. No. 2(14). P. 199–203. (in Russ.)
5. Orudzhieva A. G. Osobennosti demograficheskogo razvitiya gorodov Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga v 90-e gody 20 — nachale 21 v [Demographic features of urban development of the Yamalo-Nenets autonomous district in the 90-s of XX — early XX century]. Voprosy upravleniya [Management Issues]. 2013. No. 4(25). P. 156–168. (in Russ.)
6. Kuzmin A. I., Badina A. A. Opyt sotsialnogo prognozirovaniya krupnogo severnogo goroda [Experience in the Social Forecasting of a Large Northern City]. Ekaterinburg. Chinovnik [Official]. 2006. 183 p. (in Russ.)
7. Korneeva Ya. A., Simonova N. N. Adaptatsionnyye strategii rabotnikov vakhtovoj organizatsii truda pri razlichnoj spetsifike proizvodstva v usloviyakh Severa [Adaptation strategies of shift workers with different production specifics in the conditions of the North]. Obshchestvennyye nauki [Social Sciences]. 2011. No. 4. P. 434–441. (in Russ.)
8. Lobova V. A. Psikhologicheskaya adaptatsiya rabochikh mezhregionalnoj vakhty v kontekste sokhraneniya zdorovya [Psychological adaptation of interregional shift workers in the context of health preservation]. Vestnik ugrovedeniya [Bulletin of Ugric Studies]. 2011. No. 1(4). P. 81–89. (in Russ.)
9. Kholodilova K. A. Kachestvo zhizni naseleniya v usloviyakh vakhtovogo truda na Krajnem Severe (na primere Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga) [Quality of life under the conditions of shift work in the Far North (the case study of the Yamalo-Nenets Autonomous Area)]. Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhny Novgorod]. 2008. No. 5. P. 96–102. (in Russ.)

10. Ershov E. V., Babenko A. I., Ponich E. S., Khasnulin V. I. Sistema monitoringa sostoyaniya zdorovya rabotnikov gazodobyvayushchego predpriyatiya na Krajnem Severe [The system of health monitoring of workers of the gas enterprise in the Far North]. Byulleten Sibirskogo otdeleniya Rossijskoj akademii meditsinskikh nauk [Bulletin of the Siberian Branch of the Russian Academy of Medical Sciences]. 2008. Vol. 28. Iss. 2. P. 57–62. (in Russ.)
11. Luzina T. V., Malashkevich O. A. Vakhtovyy metod kak osobaya forma organizatsii truda v ramkakh migratsionnoj politiki RF [Shift method as a special form of labor organization within the framework of the migration policy of the Russian Federation]. Pravovyye sredstva stimulirovaniya aktivnoj zanyatosti i povysheniya konkurentosposobnosti na rynke truda: sbornik nauchnykh statej [Legal Means of Stimulating Active Employment and Increasing Competitiveness in the Labor Market]. Tyumen. 2019. P. 30–42. (in Russ.)
12. Fauzer V. V., Nazarova I. G. Rossijskij Sever: problemy rabotayushchikh vakhtovym metodom i gosudarstvennaya politika pereselenij [The Russian North: problems of shift workers and the State policy of resettlement]. Korporativnoye upravleniye i innovatsionnoye razvitiye ekonomiki Severa: Vestnik Nauchno-issledovatel'skogo tsentra korporativnogo prava, upravleniya i venchurnogo investirovaniya Syktyvskarskogo gosudarstvennogo universiteta [Corporate Governance and Innovative Economic Development of the North]. 2011. No. 2. P. 14. (in Russ.)
13. Kramar V. P., Andreev O. P. Voprosy effektivnosti gosudarstvennoj sotsialnoj politiki v otnoshenii zhitelej severnykh territorij, rabotayushchikh vakhtovym metodom [Issues of the effectiveness of state social policy in relation to residents of the northern territories working in shifts]. Rossijskij Sever: traektoriya i perspektivy sotsialnogo razvitiya [The Russian North: Trajectory and Prospects of Social Development]. Eds. N. A. Volgina, V. N. Pivnenko. Moscow. 2006. P. 295–301. (in Russ.)
14. Ermakov S. A. Voprosy organizatsii truda pri primenenii vakhtovogo metoda na predpriyatiyakh [Issues of labor organization in the use of the shift method at enterprises]. Sovremennyye tendentsii v ekonomike i upravlenii: novyy vzglyad [Modern Trends in Economy and Management: A New Look]. 2010. No. 3–1. P. 190–193. (in Russ.)
15. Borisov D. V. Vakhtovyy metod kak osobaya forma organizatsii trudovogo protsessa: na primere predpriyatij neftegazovoj promyshlennosti [Shift Method as a Special Form of Organization of the Labor Process: on the Example of Oil and Gas Industry Enterprises]. Cand. Diss. Moscow. 2004. 143 p. (in Russ.)
16. Andreev O. P., Arabsky A. K., Borovikov V. A., Kramar V. S. Sistema menedzhmenta vakhtovogo metoda raboty predpriyatiya v usloviyakh Krajnego Severa [The management system of the shift method of the enterprise in the conditions of the Far North]. Gazovaya promyshlennost' [Gas Industry Journal]. 2007. No. 9. P. 28–31. (in Russ.)
17. Chupasheva E. V. Rol' mezhkulturnykh kompetentsij v upravlenii personalom predpriyatij severnykh regionov Rossii [The role of intercultural competences in personnel management at the enterprises in the northern regions of Russia]. Kazanskaya nauka [Kazan Science]. 2014. No. 11. P. 275–277. (in Russ.)
18. Kerimov K. P. Konfliktogennyye faktory mezhetnicheskikh vzaimodejstvij v severnom regione (na primere Tyumenskoj oblasti) [Conflictogenic factors of interethnic interactions in the Northern region (on the example of the Tyumen region)]. Vestnik Chuvashskogo universiteta [Bulletin of the Chuvash University]. 2006. No. 7. P. 191–196. (in Russ.)
19. Loginov V. G. Vakhtovyy metod kak osnovnoj istochnik rabochej sily dlya osvoeniya neftegazovykh resursov zapolyarnykh rajonov Arktiki [Rotation system as the basic source of workforce for the development of oil and gas resources in the Arctic polar regions]. Izvestiya Uralskogo gosudarstvennogo gornogo universiteta [News of the Ural State Mining University]. 2021. No. 2(62). P. 191–201. DOI: 10.21440/2307-2091-2021-2-191-201 (in Russ.)
20. Khajdukova E. S. Sovremennyye migratsionnye protsessy KhMAO — Yugry [Current migration processes of Khanty-Mansi Autonomous Okrug — Yugra]. Ekonomicheskiye i sotsialnyye faktory razvitiya narodnogo khozyajstva: sbornik materialov II Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferentsii aspirantov i magistrantov, Khanty-Mansijsk, 31 yanvarya 2017 goda [Economic and

Social Factors of National Economy Development. Proceedings of the II All-Russian scientific and practical conference of postgraduate and master students, Khanty-Mansiysk, January 31, 2017]. Khanty-Mansiysk. Yugorskiy gosudarstvennyy universitet [Yugra State University]. 2017. P. 99–106. (in Russ.)

21. Oparin D. A. Locals and immigrants on the Yamal Peninsula. Social boundaries and variations in migratory experience. *Asian Ethnicity*. 2017. No. 19. Iss. 2. P. 251–269. DOI: 10.1080/14631369.2017.1386543
22. Uspenskaya T. N. Bazovyje determinanty migratsionnogo povedeniya naseleniya KhMAO [Basic determinants of the migration behaviour of population in Khanty-Mansi autonomous area]. *Narodonaselenie [Population]*. 2005. No. 4(30). P. 112–121. (in Russ.)

Information about authors:

Goncharova Kseniya Sergeevna, Candidate of Economics, Researcher, Yugra State University, Khanty-Mansiysk, Russia.

Contact information: e-mail: ksenia.gon4arowa@gmail.com; ORCID: 0000-0003-2381-3322; Elibrary SPIN-code: 6154–9862

Shelomentsev Andrei Genadevich, Doctor of Economics, Professor, Yugra State University, Khanty-Mansiysk, Russia.

Contact information: e-mail: a.shelom@gmail.com; ORCID: 0000-0003-1904-9587; Elibrary SPIN-code: 9931–5778.

Статья поступила в реакцию 09.01.2025, утверждена 28.04.2025, опубликована 30.06.2025.